

УДК 801.54

МЕЖЧАСТЕРЕЧНАЯ РЕТРАНСПОЗИЦИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БАЗА И РЕЧЕВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЯВЛЕНИЯ

© 2009 г.

Н.Е. Петрова

Нижегородский государственный педагогический университет

petrova_ngpu@mail.ru

Поступила в редакцию 10.12.2008

Анализируются разновидности межчастеречной ретранспозиции, или обратного морфолого-синтаксического словообразования: деадвербиализация наречий, десубстантивация существительных адекативного склонения, деадъективация отглагольных прилагательных с суффиксами -ем-/-им-. Показано, что данное речевое явление приводит к образованию новой по своим лексико-грамматическим свойствам номинативной единицы.

Ключевые слова: внутренняя форма, морфолого-синтаксическое словообразование, редеривация, ретранспозиция, транспозитив, десубстантивация, деадвербиализация, деадъективация.

Предметом рассмотрения в данной статье будет речевое явление ретранспозиции, или обратной межчастеречной переходности. Используемый термин «ретранспозиция» образован по образцу известной пары «деривация – редеривация». Сходство между ретранспозицией и обратным морфемным словообразованием состоит в следующем: а) в обоих случаях говорящий так использует морфо-семантическое строение определенного слова, что образуемая окказиональная номинация и по семантике, и по форме может служить мотивирующей для исходной лексической единицы; б) в основе ретранспозиции и редеривации лежит «процесс извлечения “производящей” основы из “производного” слова» [1, 20], т.е. актуализация внутренней формы (далее – ВФ) узувального слова; в) как ретранспозиция, так и редеривация представляют собой речевое, окказиональное явление, хотя результаты их в отдельных случаях могут узувализироваться; г) обе «обратные» разновидности образования слов интересны и актуальны для исследования, поскольку позволяют наблюдать естественную (а не стимулируемую лингвистом) языковую рефлексию говорящих, позволяющую использовать в целях эффективной коммуникации скрытые номинативные ресурсы языковой системы. В то же время ретранспозиция и морфемная редеривация принципиально различны с точки зрения механизма образования новой номинации, который определяется спецификой ВФ слов-транспозитивов, с одной стороны, и слов, образованных морфемным путем, – с другой. Чтобы выявить эту специфику, мы кратко рассмотрим сущность таких способов номинации,

как межчастеречная транспозиция (или морфолого-синтаксическое словообразование) и морфемная деривация, а далее – проанализируем процессы ретранспозиции в современной русской речи.

Номинация денотата путем морфемного словообразования, равно как и морфолого-синтаксического, требует опоры на уже существующее значение, выражаемое мотивирующей единицей. При морфемном словообразовании такой единицей служит основа производящего слова, а средством формирования нового лексического содержания и одновременно средством формально-семантического усложнения производной единицы по сравнению с производящей является аффикс. Именно аффикс выражает то семантическое отношение между производным и производящим словом, которое определяет специфику ВФ производного слова и позволяет объяснить или угадать его лексическое значение [см.: 2, с. 243; 3, с. 61]. Подчеркнем, что в условиях аффиксации производящее слово участвует в создании производного в отвлечении от своих возможных грамматических видоизменений, так что частные грамматические значения, носителями которых являются формообразующие и словоизменяемые морфемы, не используются в целях новой номинации и не включаются в ВФ производного. Редеривация на базе такого производного слова заключается в «отсечении» деривационных морфем или таких компонентов в структуре слова, которые могут быть отождествлены с деривационными аффиксами, например *статуэтка* → *статуэт*:

Замполит наш этот факт сильно переживал: «Даже в соседнем дворе статуэт вождя

стоит, гипсовый, в шесть метров» (Огонек. 1990. № 46).

При транспозиции в качестве мотивирующей единицы выступает отдельная грамматическая форма (на встречу → навстречу), частная парадигма (ротный, -ая, -ое, -ые → ротный) или вся парадигма слова (любимый прич. → любимый прил.). Исходная единица мотивирует новое слово целиком: со стороны семантики – совокупностью лексического и всех своих грамматических значений, со стороны формы – совокупностью всех составляющих своей материальной структуры, как «лексическими» (корневыми и деривационными), так и грамматическими морфемами. При морфолого-синтаксической транспозиции универсальным средством преобразования исходного лексико-грамматического содержания является атипичная синтаксическая позиция мотивирующей единицы: «производное значение части речи при транспозиции возникает тогда, когда производящее слово занимает позицию производимой части речи» [4, с. 87]. Понятно, что при этом не происходит никакого формального усложнения исходной единицы, морфемный материал которой подвергается только функционально-семантической переоценке. В результате морфолого-синтаксической деривации «старая» форма используется для выражения нового лексико-грамматического содержания и составляет его ВФ. Первоначальное грамматическое содержание, образно выражаясь, «уходит в глубь слова», становится элементом его ВФ, а грамматический формант включается в число репрезентантов ВФ слова. Таким образом, ВФ слов-транспозитивов (рабочий, на оцупь, впоследствии, воспитанный) содержит специфический номинативный потенциал, который может реализоваться, если говорящий активизирует «угадывающуюся» в транспозитиве грамматическую форму. Проиллюстрируем сказанное, обратившись к примерам речевой деадвербиализации, деадъективации и десубстантивации.

Деадвербиализацией мы называем окказиональное образование существительных путем семантической переоценки морфемного материала наречий, когда деривационные морфемы (приставки и суффиксы) или их эквиваленты (в наречных выражениях) отождествляются говорящими с предлогами и флексиями. Деадвербиализация может иметь различные формы речевой манифестации. Во-первых, она выражается с помощью согласованного определения, которое может вставляться внутрь наречия или относиться ко всему наречию, осмысленному как падежная форма существительного:

Прокатились по узким проходам выпущенные в темноту с темной наружи морозные белые шары (Ю. Скоп. Техника безопасности // Роман-газета. 1982. № 21 – 22); – Ага-а, – торжествующий затылок повернулся – я увидел того, исподлобного. Но он как-то весь вылез из этого вечного своего подлобья (Е. Зямтин. Мы); Общение она порою стремилась перевести в отношения, – а это огромная разница, – и всякий раз ее сердце разбивалось вдребезги, в серебряные сердечные «дребезги» (ЛГ. 1992. № 19); А будущая супруга его – сдуру им вообразенная любовь его – сообщила ему остороженьким мимоходом (с интонациями, впрочем, законодательными), что она, пожалуй, останется при своей фамилии (ЛГ. 1994. 7 сент.).

Во-вторых, средством манифестации деадвербиализации является образование новых падежно-числовых форм того существительного, грамматическая форма которого «просматривается» в наречии:

Существует три способа пить чай с сахаром: вприглядку, внакладку и вприкуску. Многие москвичи придерживаются последнего способа, а для прикуски сахара в продаже почти нет (Вечерняя Москва. 1989. 5. авг.); Дождь, как-то зацепившись, косой отмашью хлестнул в беседку, окропив деревянный пол (Ю. Нагибин. Чистые пруды. Дороги. Встречи. Жарким июльским днем); Ноги гудели, не чувствуя под собой тверди, спина от многочасовой наклонки стала чугунной, руки не поднимались (Т. Гагарина. По ту сторону прилавка // Русский Север. 1991. 20 июля); Действительно, что здесь? Проголодь, разбой, и все неопределенной завтра (ЛГ. 1991. 20 мар.).

Выделенные в данных примерах формы существительных сконструированы говорящими на базе того предложно-падежного сочетания, которое воспринимается как ВФ наречий *вприкуску*, *наотмашь*, *внаклонку*, *вроголодь*. Процесс деадвербиализации в этом случае оценивается как более глубокий, поскольку отнаречное существительное, расширяя диапазон синтаксических позиций в предложении, приобретает большую лексическую самостоятельность и определенность предметной семантики.

Процесс деадвербиализации наречия, из состава которого выделяется имя существительное, может выражаться в том, что наречие вступает в несвойственные для него, но характерные для существительного синтаксические связи, сохраняя при этом как типичную для себя синтаксическую позицию, так и целостность формы.

Потом прикатили другие колеса, мы опустились на них и с этой минуты стали наполовину (нижнюю) уже иностранными (С. Юрский. *Игра в жизнь*); ФСФР предала «Уралсиб» по ошибке, которая совпала со слухами, что банк меняет владельцев (Ю. Чайкина, И. Ерохина, М. Разумова – заг. статьи // *Коммерсант*. 2008. 8 февр.); Откуда все то жестокое, тупое, страшное, что творится там, впотьмах наших многострадальных будней? (Е. Сурков. *Начала и концы // Советская культура*. 1987. 7 окт.); Вертикаль безответственности сверху донизу российской власти (А. Севастьянов. *Соло patria // ЛГ*. 2005. № 54).

Согласованное определение, равно как и родительный с объектно-определяющей семантикой, предполагает в качестве синтаксического хозяина имя существительное. Ясно, что в приведенных контекстах такое существительное имплицитно выделяется в структуре наречия.

Итак, во всех рассмотренных случаях влияние ВФ выражается в приобретении наречиями свойств и признаков типичных падежных или предложно-падежных форм имен существительных. По своей сущности и средствам речевой манифестации (проницаемость для согласованного определения, расширение парадигмы падежно-числовых форм угадываемого в наречии существительного) отмеченное явление коррелирует с адвербиализацией существительных, но имеет противоположную направленность, что и отражает используемый нами термин «деадвербиализация».

Теперь обратимся к **десубстантивации** – ретранспозиции субстантивированных прилагательных. Сущность субстантивации подробно исследована [см. 5, с. 110–155; там же обзор научной литературы]. Изменение лексико-грамматических свойств прилагательного при субстантивации связано с его предметным переосмыслением и преобразованием значимости изначально чисто структурных, согласовательных категорий рода, числа, падежа: категория рода из словоизменяющей преобразуется в классифицирующую, в определенных случаях мотивируется семантикой пола; категория числа становится лексико-грамматической, т.к. отражает реальные количественные признаки обозначаемого предмета, и т.д. Необходимым условием, обеспечивающим указанное лексико-грамматическое преобразование, является помещение прилагательного в синтаксическую позицию, типичную для имени существительного.

С одной стороны, субстантивация рассматривается как разновидность межчастеречной транспозиции, поскольку исходная часть речи

не подвергается видимым формальным изменениям, а средством формирования нового категориального значения является атипичная синтаксическая позиция. Кроме того, субстантивация прилагательного – это достаточно длительный процесс в том смысле, что конечный его результат (образование существительного) определяется многими историческими факторами: употребительностью мотивирующего слова в своем исконном значении и функции прилагательного, степенью узуализации субстантивной семантики, большей или меньшей осязаемостью эллипсиса существительного [см. 7, с. 134–140; 5, с. 142–147; 8]. С другой стороны, есть основания отнести субстантивацию прилагательных/причастий к способам синхронного словообразования, противопоставив ее субстантивированному употреблению других частей речи, словосочетаний и даже предложений. «Субстантивация прилагательных – это образование существительных, структурно мотивированных прилагательными с использованием в качестве словообразовательного средства флексий прилагательного (парадигмы одного грамматического рода или только множественного числа). При этом какие-либо дополнительные формальные отличия мотивированного от мотивирующего (чередование, различие места ударения, усечение основы и др.) отсутствуют» [9, с. 207]. С этой точки зрения путем субстантивации, как и при другом виде морфемной деривации, существительное образуется сразу, исторический характер имеет лишь процесс его утверждения в качестве узуальной словарной единицы. Как справедливо отмечает В.М. Никитевич, производные субстантивации и аффиксации функционально совпадают, «разными средствами достигается одна и та же цель – выражение классификационно идентичных производных значений» [4, с. 86].

В то же время при сравнении синонимов типа *хитрый* – *хитрец* становится очевидным различие способов представления тождественного мыслительного содержания в том и другом случае. При аффиксальном образовании существительного интерпретация мотивировочного основания номинации как «признака лица» выражается суффиксальным формантом, и производное слово обладает ВФ деривационного типа. При субстантивации происходит метонимический перенос наименования признака на предмет – носитель этого признака. Таким образом, в плане содержания внутреннюю форму производного составляет не только лексическое значение прилагательного, но и грамматическое содержание одной из его родовых парадигм.

Носителем же семантики ВФ является структура, идентичная по морфемному составу структуре мотивирующего прилагательного.

Специфическая ВФ субстантиватов позволяет говорящим использовать существительное в функции прилагательного. Десубстантивация происходит, когда существительное адъективного склонения употребляется в синтаксической позиции согласованного определения и формально выражается в расширении родо-числовой парадигмы субстантивата (род и число вновь становятся словоизменительными категориями с чисто структурной, согласовательной значимостью) [10, с. 40]. На наш взгляд, можно говорить о двух разновидностях десубстантивации. В одном случае десубстантивация выражается путем окказионального восстановления эллипсиса существительного. Образующееся при этом словосочетание с именем прилагательным, в роли которого употребляется существительное адъективного склонения, является синонимом узуального слова-субстантивата или устойчивого оборота с ним:

Но имущие власть политики сказали, что силой не допустят такой погибели (А. Харчиков. Слепые вожди человечества // ЛГ. 2006. № 13); И все они бросали на подсудимого трясущегося мальчика уничтожающие взоры (А. Солженицын. В круге первом); У меня здесь была горничная девушка, ее звали Ата, моя дальняя родственница (С. Моэм. Луна и грош – Пер. с англ. Н. Ман).

Во втором случае существительное адъективного склонения используется в качестве прилагательного со значением 'относящийся к тому/принадлежащий тому, что названо мотивирующим существительным'. Денотативная отнесенность таких прилагательных расширяется, что отличает их от «десубстантиватов» первой группы. Как следствие, расширяется родо-числовая парадигма бывшего существительного. В десубстантивацию этого типа включаются и квазисубстантиваты – такие существительные адъективного склонения, которые уже не мотивируются именами прилагательными или были образованы аффиксальным способом по образцу истинных субстантиватов (*шашлычная, блинная, насекомое* [11, с. 265], фамилии типа *Достоевский*). Квазисубстантиваты не мотивируются прилагательными, но образованы по модели субстантиватов и вызывают аналогичские ассоциации с ними, так что говорящие могут увидеть в них «готовое» прилагательное:

И этот суффикс – несмотря на свою «прилагательную» форму – не имеет иной семантики, нежели собирательная... (Н.М. Шанский,

Т.А. Боброва. Жизнь русского слова. Книга для старшеклассников); Пока вся страна в предновогодней лихорадке обсуждала, стоило или не стоило снимать продолжение легендарной «Иронии судьбы», на экраны довольно тихо вышел новый «числительный» фильм «1814» режиссера Андреса Пуустумаа (С. Попов. А младшему-то тринадцать // ЛГ. 2008. № 1); Девочка родилась красавицей – с первой минуты ничего новорожденного, никакой слизи, красноты, шершавости (Л. Улицкая. Сквозная линия); – Папа! – слышит Зайкин за дверью. – Показать тебе мою насекомую коллекцию? (А.П. Чехов. Лишние люди); ... женская одежда, подаренная волшебным варьете, издевательски – и с каким-то вполне маяковским презрением к мещанским канарейкам – растворяется в воздухе (В. Курицын. Русский литературный постмодернизм); Вот Сережа Юрский затеял вывести в «Ревизоре» Осипа в том же сюртуке, который он надевал как Чацкий. Не берусь судить, испытывал ли смущение носитель, но «чацкому» сюртуку, особенно в первое время, было очень даже неловко (В. Рецеттер. Ностальгия по Японии).

Как видно из приведенных примеров, в результате десубстантивации возникают прилагательные двух типов. Во-первых, это прилагательные, мотивирующие исходное существительное адъективного склонения, например: *горничная* → *горничная девушка*. Такая десубстантивация актуализирует ВФ исходного существительного и представляет собой явление, обратное субстантивации и в формальном, и в семантическом отношении. Во-вторых, это относительно-притяжательные прилагательные, более сложные по семантике, нежели исходное существительное адъективного склонения, например: *прилагательное* → *прилагательная форма*, *Чацкий* → *чацкий сюртук*. В этом случае десубстантивацию можно отнести к ретранспозиции только на основании формального механизма образования прилагательного (флексия существительного возвращает себе свойства адъективной флексии). С точки зрения семантических отношений между первичным и вторичным словом это такое же «прямое» словообразование, как, например *глагол* → *глагольный*, *Пушкин* → *пушкинский*.

Третьей разновидностью ретранспозиции, которую мы рассмотрим, является **деадъективация** отглагольных прилагательных. Хорошо известно, что класс прилагательных активно пополняется за счет причастий. Способность к адъективации заложена в самой природе этой глагольной формы. При адъективации нарушается условное равновесие глагольно-адъектив-

ных свойств причастия: глагольные свойства нейтрализуются, сходят на нет. Происходит это, когда говорящий отказывается от употребления актуализаторов глагольной семантики – специальных форм со значением субъекта, объекта, образа, времени действия. Оторванное от этих необходимых параметров действия причастие, согласно коммуникативным задачам автора речи, приобретает значение непроцессуального признака предмета, что нередко сопровождается развитием качественно-метафорических значений. Обратные процессы деадъективации заключаются в «возрождении» глагольности, речевая же манифестация их осуществляется синтаксически – через употребление говорящим тех актуализаторов действия, о которых мы говорили выше. Если прилагательное омонимично существующему в языке причастию, то его возможная деадъективация практически не наблюдается, поскольку соответствующий речевой факт всегда можно объяснить как употребление причастия. Интересное исключение составляют случаи, когда деадъективация является неполной и слово проявляет признаки и прилагательного, и причастия:

Я сидел за столом, самый ненавидимый мною свет – утренний, серый – понемногу заполнял комнату... (А. Кабаков. Последний герой // А. Кабаков. Приговоренный: романы, рассказы); Во время Великой Отечественной Клавдия Ивановна была одной из самых любимых бойцами певиц (И. Изгаршев. Клавдия Шульженко. Как отказать сыну вождя // АиФ. 2006. № 12); А Улицкая, повторяю, писательница талантливая, неординарная, недаром она – один из самых переводимых на иностранные языки российских авторов (Е. Щеглова. О спокойном достоинстве – и не только о нем // Нева. 2003. № 7); К таким заблуждениям относится, например, тот факт, что ... «Руководство для бойскаутов» – самая ежегодно продаваемая книга (С. Пинкер. Язык как инстинкт. – Пер. Е.В. Кайдаловой); Самое часто упоминаемое слово – неимоверно (репортаж, т/п «Сегодня». НТВ. 19.05.2008).

В данных примерах употреблены прилагательные, образованные в результате адъективации страдательных причастий настоящего времени. В то же время их несомненная качественность, о чем свидетельствует форма превосходной степени, не препятствует и реализации значения действия, которое выражается специальными маркерами: творительным субъекта, обстоятельством актуализаторами действия.

С наибольшей наглядностью процессы деадъективации можно продемонстрировать на материале «квазитранспозитивов» – прилагательных, образованных непосредственно от гла-

гольных основ с помощью суффиксов, «заимствованных» у причастий. Наиболее многочисленной разновидностью таких образований являются прилагательные с суффиксами -ем-/-им-: *непредставимый, необъяснимый, непоколебимый* и подобных. От страдательных причастий настоящего времени указанные девербативы отличаются как формальными, так и семантическими признаками: наличием основы совершенного вида или основы непереходного глагола, регулярным семантическим наращением модального характера. При всем том способ представления понятия в этих словах таков, что они вызывают устойчивую ассоциацию с причастием, ср.: «...прилагательные типа *необитаемый, невыразимый* и под. столь трудно отличить от страдательных причастий настоящего времени, что они все, очевидно, воспринимаются на практике как страдательные причастия настоящего времени» [12, 163]. Деадъективация указанных прилагательных происходит через актуализацию семантики пассива и получает следующие наиболее яркие формы речевого выражения:

а) употребление в конструкциях с прилагательным на -м- творительного агенса:

Задумано было что-то другое, непостижимое нами. Потом в этом возник какой-то перекосяк, мы дети этого перекосяка (В. Аксенов. Новый сладостный стиль); Отлитые в одной матрице стандартные болванки имеют неразличимые человеком отличия (С.Г. Павлов. Сказка для взрослых: «Трудовая теория» как фрагмент ненаучной картины мира); Но нам-то все, осуждаемое читателями, неприемлемое миллионами телезрителей, впаривают по государственным каналам за наши же, бюджетные, деньги... (А. Бобров. Правда президента // ЛГ. 2008. № 3 – 4); В шалашную полночь площадь / В сплошавшую белую бездну / Незримому ими – «Извозчик!» / Низринуть с подъезда. С подъезда... (Л. Пастернак. Раскованный голос);

б) употребление в аналогичных условиях творительного орудийного, управление которым несвойственно другим отглагольным прилагательным:

И не так обременительны денежные траты, как никакими купюрами не выразимые страдания от того, что в постели ты чем-то мужчин отвращаешь (А. Азольский. Розыски абсолюта); Прошли годы, время, не измеримое никакими календарями... (А. Азольский. Диверсант); ... и Данте, возможно, стоял в толпе любопытных, испытывая что-то неописуемое, ну ты понимаешь, даже его пером (В. Аксенов. Новый сладостный стиль); Через пару часов развезет все в жидкую кашу, по городу ни пройти ни проехать, а на ботинках непременно

выступят не победимые никаким гуталином мерзкие белые разводы (И. Иртеньев // Октябрь. 2001. № 11);

в) употребление прилагательных с суффиксами -ем/-им- с наречиями способа действия или их функциональными аналогами – субстантивными оборотами. Такая синтагматика типична для глагольной формы, но несвойственна прилагательным, в том числе и отглагольным:

Со временем научиться имитировать «технически» можно что угодно и на любом уровне качества, никак не отличимого от возможностей человека (АиФ. 2004. № 39); *Значение в целом является вербально описуемым отражением действительности, оно не материально, оно социально* (Р. Кияк. Мотивированность лексических единиц); *Элемент не- автономен в самой минимальной степени – всего лишь ограниченно отделим посредством первообразных предлогов* (В.Н. Перцов. Элемент ка- в русском языке: словоформа или аффикс); *Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы* (Г.О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию).

Анализ трех разновидностей межчастеречной ретранспозиции – деадвербиализации, десубстантивации, деадъективации – позволяет сделать следующий вывод. Указанное речевое явление приводит к образованию новой по своим лексико-грамматическим свойствам номинативной единицы. В силу этого ретранспозицию можно отнести к разновидности обратного словообразования (в широком смысле данного термина). В то же время сущность словообразовательного процесса противопоставляет ретранспозицию морфемной редеривации. Механизм ретранспозиции заключается в специфической семантической переоценке морфемного материала узуальных слов, исторических транспозитивов или квазитранспозитивов: деривационные морфемы наречий, существительных, отглагольных прилагательных наделяются

грамматической семантикой, типичной для формантов тех частей речи, которые составляют базу для процессов «прямой» транспозиции (в нашем случае – для процессов адвербиализации, субстантивации, адъективации). Ретранспозиция, таким образом, оживляет ВФ тех узуальных слов, в структуре которых «просматривается» грамматическая форма исторически мотивирующей (или якобы мотивирующей, если это квазитранспозитив) части речи.

Список литературы

1. Николаев Г.А. Формирование обратных словообразовательных отношений в русском языке // Историческое словообразование русского языка. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984. С. 19–40.
2. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 222–303.
3. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 394 с.
4. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. Минск: Вышэйшая школа, 1985. 157 с.
5. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи русского языка. М.: МПГУ, 2006. 304 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин. прос. РСФСР, 1956. 511 с.
7. Ильенко С.Г. Явления грамматической переходности и их отражение при обучении русскому языку (на примере субстантивации имен прилагательных) // Семантика переходности: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. В.И. Кодухова. Л.: Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1977. С. 23–30.
8. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М.: Наука, 1967. С. 205–233.
9. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1996. 221 с.
10. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. Изд. 2-е, доп. М.: КомКнига, 2005. 336 с.
11. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 227 с.

RETRANSPPOSITION BETWEEN PARTS OF SPEECH: LINGUISTIC BASE AND SPEECH VARIETIES OF THIS PHENOMENON

N.E. Petrova

Varieties of retransposition between parts of speech, or inverse morphological-syntactical word formation are analyzed, including deadverbialisation of adverbs, desubstantivation of nouns of adjective declination, deadjectivation of verbal adjectives with suffixes –em-/–im-. It is shown that this speech phenomenon results in the emergence of a nominative unit possessing new lexico-grammatical properties.

Keywords: inner form, morphological-syntactical word formation, rederivation, retransposition, transpositive, desubstantivation, deadverbialisation, deadjectivation.